

Лони Криттенден

ИГРЫ ДРЕВНИХ

ТРИ
ИСПЫТАНИЯ

ДВА
МИРА

ОДИН
ПОБЕДИТЕЛЬ

Young Adult. Хранительницы темных тайн. Фэнтези миры

Лони Криттенден

Игры древних

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Криттенден Л.

Игры древних / Л. Криттенден — «Эксмо», 2024 — (Young Adult. Хранительницы темных тайн. Фэнтези миры)

ISBN 978-5-04-249797-1

Шестнадцатилетняя Келлан Дю Кюивр – сирота и потомок предателей, которым по закону запрещено заниматься мейккрафтом – тайным искусством оживления металла магией с помощью рун. Никто не должен узнать о ее таланте, пока девушка помогает приемному отцу Эдгару спасти семейную мастерскую. Но когда его здоровье стремительно ухудшается, а их дело оказывается на грани разорения, Келлан решается на отчаянный шаг: заключает опасную сделку с влиятельным членом Гильдии и вступает в смертельно опасное Испытание, где лучшие ученики страны сражаются за право стать мастером. На каждом шагу Келлан подстерегают смертоносные ловушки, механические стражи и древние духи, а тайны прошлого острова Нансо угрожают сорвать все ее планы. В то же время между Келлан и незаконнорожденным сыном одной из самых почитаемых семей вспыхивают чувства, привлекающие опасное внимание. Когда начинаются загадочные убийства участников Испытания, Келлан понимает: победа – это не просто шанс спасти мастерскую, это шанс раскрыть тайны Гильдии и узнать скрытое наследие Нансо. Опасность растет. Время уходит. Смелость и магия – единственные оружия Келлан. Сможет ли она перехитрить врагов, выжить и изменить судьбу острова навсегда?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-249797-1

© Криттенден Л., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лони Криттенден

Игры древних

Copyright © 2024 by Loni Crittenden

© Баннов А. А., перевод на русский язык, 2025

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Иллюстрация на обложке æriss

Посвящается моему папе

*Давным-давно пауки светились. Они таились за своими сетями И озаряли ночь, маня добычу. Мухи принимали пауков за луну.
Перевод. Дата неизвестна. Автор неизвестен. Без названия.*

*Как богата земля. Как добры люди. Они сверкают в жару и танцуют на закате. Солейль, Древний, тоже танцует. Обсид, Юный, молвит, что так и пребудет.
Из посланий Первому Столпу империи Лидонча. Приблизительно 2-й день Базальтра. 1-й год Суоллоу.*

Глава 1

Когда Келлан жила в доме имен, она жуть как любила разбирать все на части. Начала она с малого: книжки с картинками разбирала по ниточкам, а игрушки-головоломки – по винтикам. Вместо ножниц и отверток она использовала зубы, поэтому, когда у нее прорезались первые коренные резцы, дело пошло проще и веселей. Чем крепче и крупнее они становились, тем больше увеличивались в размерах вещи, которые она разбирала. Телефоны. Телеграфы. Однажды жертвой ее зубов пал первый и единственный автоматон, который мог позволить себе ее приют. Однако она всегда собирала все обратно. Правда, каждый раз у нее получалось что-то новое.

Но любопытным было не место в Кювретоне, особенно маленькой болтливой девочке без фамилии¹. Это был предсказуемый городок, погрязший в рутине, где жили в массе своей предсказуемые люди, не имеющие права на обладание фамилией. Поэтому Рюбан, работавший кассиром на деревенском вокзале, должен был бы обрадоваться, узнав, что Келлан, которой недавно исполнилось шестнадцать лет, уезжает. «Никаких проблем! – должен был провозгласить он, услышав, что они с Эдгаром потеряли свои билеты. – Езжайте так! Скатертью дорожка!»

Но она ошиблась. В тот пасмурный день Рюбан сидел в тепле и в сухости за стойкой в своей служебной кабинке, старательно не замечая столь редкого сбоя в кювретонской рутине, в то время как дождь барабанил по кривой железной крыше вокзала. Капли дождя просачивались сквозь щели и падали на голову Келлан. Каждая капля казалась ей очередным шагом длинной стрелки сломанных часов и горьким напоминанием о реальности.

– Но это же абсурд! – Келлан стукнула ладонью по окошку, и стекло в деревянной раме опасно затряслось. Вторую руку она держала в кармане, аккуратно сжимая сложенную листовку, чтобы случайно ее не испортить. Этот клочок бумаги напоминал ей о том, что поставлено на карту. – Мы купили их в прошлом месяце. Поезд будет здесь уже через, эм... через две минуты?

– Полагаю, тогда тебе следовало бы их принести? – Рюбан невозмутимо откусил кусочек зачерствевшего торта из вендингового автомата. Тот на удивление громко хрустнул. Крошка глазури упала на еще влажное пятно от детской рвоты на его рубашке. – Извини. Мы не храним чеков.

– Я не прошу чек. Я прошу тебя перестать хотя бы ненадолго быть таким упрямым.

– Месяц – это долгий срок, дорогая...

– Не называй меня так.

– Я не могу запомнить одного человека из сотен...

– Здесь живет едва ли сотня людей!

– ...которые тут проезжают. А теперь или заплати мне десять куронов², или проваливай. – Довольный собой, он расправил плечи и махнул рукой на ящики в стоящей у путей тележке. – И заberi с собой этот мусор.

Рюбан был одним из тех деревенских мальчишек, которые любили нападать на маленьких детишек-Дю, валить их в траву и отбирать месячное пособие. Келлан не нравился Рюбан, когда он был обычным вонючим ребенком из шахтерской семьи. Не воспылала она к нему любовью

¹ Представители социальной прослойки Дю, к которой принадлежит героиня, не имеют права на фамилии. А имена они получают после попадания во младенчестве в дом имен, где им их придумывают. (Здесь и далее прим. переводчика.)

² От слова *согонпе* (фр.) – корона; отсылка к французским куронндорам, впервые отчеканенным во Франции в 1340 году при короле Филиппе VI. Более распространенный в Европе вариант произношения – корона.

и после того, как он превратился в двадцатилетнего парня, от которого разило так же сильно, как и в двенадцать.

Но Келлан была уже не маленькой. Да, она по-прежнему могла похвастаться парой-тройкой лишних килограммов и не ухаживала должным образом за волосами, но уже три года как покинула стены дома имен. Прежде чем гнев взял над ней верх, Келлан вытащила из кармана свою листовку и поспешила к путям.

С тех пор как Келлан нашла ее у них на пороге меньше месяца назад, она столько раз ее складывала и вновь разворачивала, что лица лучших ремесленников в мире потрескались и выщвели, а их головы обзавелись нимбами из кофейных пятен. Гаспер Ванделес, Мастер-технолог из-за Суоллоу, с Островов Полумесяца, который показал миру, как сращивать человеческие нервы с покрытым рунами металлом. Джала, итальянский Мастер-алхимик, чья работа на Западе положила конец эпидемиям прежде, чем они успели начаться. А в центре, изображенная почти в полный профиль, стояла Мастер-инженер мадам Месни, одна из двенадцати высочайших придворных Нанси, изобретательница автоматов, известная как своей эксцентричностью, так и талантом. Листок бумаги, который Келлан сжимала в своих сморщенных пальцах, кому-то мог показаться скучной страницей с рваными сгибами и обтрепанными углами, но для нее это был символ надежды.

Мадам Месни была главной звездой «Восемьдесят четвертой ежегодной выставки производителей в Рице». До нее было рукой подать, всего несколько часов езды на поезде. И все, что стояло между Келлан и решением проблем Эдгара, – ничтожество, от которого разило чесноком и острым перцем.

Легкий ветерок проникал сквозь ее промокшую куртку. Облака почти скрыли солнце, и все вокруг окрасилось унылыми серыми красками. Даже красноватые горы, вздымающиеся на горизонте, сквозь пелену дождя казались тускло-рыжими. Она отдала свой зонтик Эдгару, поэтому в туфлях у нее теперь хлопало, и каждый шаг звучал так, словно она ступает по перезрелым бананам. Она могла бы справиться с этим проливным дождем, если бы продолжала двигаться. Ладно, поздно сожалеть. К тому же никакой зонт в мире не смог бы защитить Келлан от грязи, которая заляпала ее голени и уже начала затвердевать.

Крыша скамейки, на которой сидел Эдгар, не протекала.

– Слушай, я точно знаю, что взял их, – бормотал он, роясь в своем багаже уже в пятый раз с тех пор, как они сюда прибыли. – Я уверен в этом.

Те немногие волосы, что еще оставались у Эдгара, поседели от старости и поредели из-за слишком частого расчесывания. Он похлопал по карманам своего дешевого твидового пиджака, затем прошелся по брюкам, проверил носки, после чего снова принялся рыться среди лежащих в чемодане вещей.

Келлан прохаживалась рядом, обхватив себя рукой за талию. Она считала шаги, отчаянно желая, чтобы ветер и дождь стихли, воздух стал теплее и можно было бы наконец собраться с мыслями.

– Ошибся, бывает. Ничего страшного, – успокаивала его она. – Мы все равно как-нибудь сядем на этот поезд.

– Думаешь?

– Я в этом уверена.

– Возможно, тебе стоит перестать грызть ногти, если ты хочешь звучать убедительно. От них и так уже мало что осталось...

Куранты на доме имен пробили очередной час, и в тот же момент облака у них над головой задрожали от оглушительного грохота. Она не заметила вспышку молнии, но от ее взгляда не укрылось то, как Эдгар вздрогнул от боли и прикусил щеку, чтобы заглушить стон.

– Что случилось? – спросила она. Раньше грозы никак ему не досаждали.

Эдгар снял шляпу, изобразив на лице улыбку.

– Просто болит немного. Вставай по утрам почаще, и сама скоро поймешь.

Луч солнца, пробившийся сквозь облака, блеснул на его медном протезе. Несколько лет назад он потерял правую руку вследствие несчастного случая. Ей только-только исполнилось четырнадцать, когда она сделала для него этот протез, так что это была не лучшая ее работа. Ничего не поделаешь – пришлось пожертвовать красотой ради функциональности, поскольку рука старика оказалась безнадежно изуродована до самого запястья.

С тех пор как с Эдгаром произошел несчастный случай, он постепенно менялся. И чем сильнее становился призрак его утраты, тем больше это бросалось в глаза. Если бы Келлан догадывалась, что Эдгар не такой уж неуязвимый, возможно, она заметила бы это раньше. В его случае все тоже началось с малого – например, он забывал, куда положил ручку, еще не выпустив ее из своих пальцев, – пока не начались проблемы посерьезнее. Он мог оставить плиту включенной и пойти спать. Слишком поздно вспоминал, что позволил куче покупателей уйти из магазина, не расплатившись. Не успел никто из них опомниться, как они уже отчаянно пытались свести концы с концами, не говоря уже о том, чтобы получить какую-то прибыль.

Одно дело – заниматься ремеслом втайне, но управлять мастерской... это совсем другое. По закону она не могла этим заниматься. Но даже если бы и могла – ей просто не хватало знаний, чтобы вести дела самостоятельно. Если она хотела, чтобы «Диковины Пейпа» выжили, они обязательно должны сесть на этот поезд. В Рице они поселятся в доме брата Эдгара, будут посещать лекции, предлагать товары на выставке... все остальное не составит труда.

Ну ладно. Почти все.

Это нельзя назвать ограблением. Она не собиралась ничего красть. Келлан всего лишь хотела как следует рассмотреть прототип новейшего протеза авторства Месни – самого современного, разработанного в сотрудничестве с технологом из Италя, чье имя она, хоть убей, не могла выговорить. Просто чтобы сделать заметки. Чтобы воссоздать... нет, вдохновиться... нет, получить информацию, необходимую для следующего проекта Келлан. Она хотела сделать Эдгару новую правую руку. Которая вновь разожжет в нем пламя, почти погасшее после того несчастного случая. И поможет ему возродиться.

Но сначала ей нужно во что бы то ни стало достать эти билеты.

Эдгар снова похлопал себя по карманам пиджака. Его серебристые брови нахмурились от досады.

– Я же их принес. Я дважды проверял! Не позволяй моим сединам тебя одурачить. Я по-прежнему ясен умом, как...

Вдалеке взревел паровоз. Свет, сочащийся из его окон, едва пробивался сквозь густой туман. Не успел Эдгар договорить, как она подбежала к их тележке и открыла самый верхний ящик. Несколько пластин позолоченного никеля должно хватить.

– Ты... Эй! – окликнул ее сзади Эдгар. – Что ты делаешь, милая?

– Нет времени объяснять! – крикнула она, перекрикивая гудок поезда, и зажала пластины под мышкой. Затем она вытащила из заднего кармана Эдгара инструмент, который ей мог понадобиться, и бросилась к кассе. – Закрой ящики!

По пути к кассе она чуть не упала на скользкой от дождя плитке. Рюбан – сначала самодовольный, потом сбитый с толку – в замешательстве обмяк.

– Это не билет.

– Какой ты догадливый.

– И... что *это*?! Тебе запрещено этим владеть! Что ты делаешь?

– Пожалуйста, перестань засыпать меня вопросами. Ты скоро сам все увидишь.

Рюбана повергли в смятение, переходящее в легкую панику, не позолоченные пластины никеля и не то, как она с ним разговаривала – хотя в здравом уме не стоит так разговаривать с человеком, от которого зависит твоя судьба. Дело было в том инструменте размером чуть больше авторучки, которым она лихорадочно быстро работала над металлом.

Резец Эдгара.

Дубовая ручка, инкрустация из желтой яшмы, бронзовое алхимическое лезвие, которое давно пора было бы заменить.

Было приятно вновь держать его в руке.

Когда ей было шесть, она украла резец из магазина игрушек, принадлежащего Эдгару. Даже после того, как служительница дома имен поймала ее с поличным и отругала, Келлан не упустила возможности вновь улизнуть и наведаться туда еще раз. В те времена день, потраченный на полировку лестничных площадок и мытье каменных стен, стоил того, чтобы провести минуту за его рабочим столом.

Повзрослев, большинство Дю из Шахтерского пояса отправлялось работать на деревенские шахты. Но Келлан на свой тринадцатый день рождения купила себе чистую рубашку и приличные брюки, после чего устроилась в магазин к Эдгару помощницей. Он был единственным ремесленником в деревне шахтеров и кузнецов, единственным человеком, который всегда позволял ей разбирать вещи на части, и первым, кто научил ее делать их самостоятельно.

Однако, если кто-нибудь спрашивал, Эдгар *всегда* отвечал, что не позволяет ей пользоваться резцом. Корона не позволяла тем, у кого не было фамилий, заниматься ремеслом – и никто не хотел связываться с Короной. В любом случае жителям деревни по большому счету было все равно, чем занимается Келлан. Они считали, что чем больше она занята, тем меньше у нее времени на то, чтобы сломать что-то еще.

Она привыкла управляться с резцом, поэтому сразу приступила к делу. Рюбан продолжал что-то возмущенно высказывать. Слова, вроде «стража порядка» и «пыльные мельницы», щекотали ее уши, но все остальные сливались в тихое жужжание, пока она творила. Келлан чертила резцом на листах металла, тонких, как вошенная бумага, в то время как искры плясали в воздухе, словно надвигающаяся буря была всего лишь легким ветерком; вырезала руны, чтобы придать твердость, форму и плавность изгибов той или иной детали; вдыхала ароматы утренней травы и опавших листьев, которые заглушали серную вонь, доносящуюся с дальних рудников. Все заняло считанные минуты. В итоге получилась...

– Шкатулка. – Рюбан, который уже давно молча наблюдал за ее работой, уставился на творение Келлан с недоверием и разочарованием. – Какой мне толк от шкатулки?

Она не стала тратить время на объяснения. Пусть сам все увидит.

Келлан открыла крышку и отступила назад. Стенки шкатулки исчезли, явив их взорам маленького золотистого зайца. Он с интересом понюхал стойку, стекло и воздух. Затем спрыгнул с выступа и превратился в крошечную сверкающую птицу-пересмешника. Солнечный свет отразился от ее хвоста, и в тот же миг птица распалась на множество бабочек. Ржавая железнодорожная станция наполнилась шелестом трепещущих крылышек. Затем бабочки метнулись обратно, видимо, почуяв нектар в том месте, где недавно с любопытством нюхал воздух заяц. Миг спустя они слились воедино, и на их месте вновь возникла шкатулка.

– Это для твоей сестры. – Она пододвинула шкатулку поближе к окошку кассы и указала на пятнышко от рвоты у него на груди, словно поезд в этот момент не остановился с визгом у нее за спиной, а дождь не капал ей на голову в унисон с тревожным биением ее сердца. – Другой такой не существует. Может, тебе и наплевать на то, чем мы с Эдгаром занимаемся в «Диковинах», но ей она понравится.

Позади нее зашипел двигатель поезда. После того как этот звук рассеялся на ветру, внимание Келлан привлек какой-то проблеск у нее над головой.

Она чуть было не приняла его за остаточную искру. Под ржавой крышей хижины плавал одинокий бледный – не ярче тусклого солнца за облаками – светлячок. Или что-то на него похожее. Келлан видела их всего один раз, у ручья в лесу, что начинался сразу за домом имен Кювретона. Она ловила их в пустые банки из-под украденных маринованных яиц. Но этот

светлячок был больше, размером с кончик ее большого пальца. Хотя это могла быть всего лишь игра света.

– Ладно. Я возьму ее.

Светлячок улетел, и напряженные плечи Келлан слегка расслабились.

– Хорошо! Отлично.

– И шестнадцать шестеренок.

Что ж, это было лучше, чем ничего. Закусив губу, чтобы не наорать на этого тупицу, она порылась в карманах в поисках мелочи.

– Это все, что у меня есть. – Несколько бронзовых монет звякнули рядом с игрушкой. – Теперь можешь дать мне билеты? Пожалуйста.

Он вытащил их из печатной машинки, подписал и положил рядом с маленькой шкатулкой.

– Не позволяй этому городу тебя испортить, хорошо? Не хватало еще, чтобы ты вернулась, возомнив о себе невесть что.

Келлан схватила их, втайне надеясь, что он ненароком порезался о бумагу. Но у нее не было времени это выяснять. Им ни в коем случае нельзя было опоздать на поезд.

– Эдгар! – крикнула она, спеша к рельсам. – Я купила билеты! Заканчивай рыться в чемодане.

Но Эдгар уже успел его закрыть и стоял, молча наблюдая за происходящим.

– Отличная работа, милая, – сказал он, похлопав ее по плечу.

Одна из дверей поезда скользнула в сторону, и из нее показалась пара крошечных ступенек. Кондуктор расправил пиджак и дунул в свисток.

– Спасибо, что выбрали «Гринлайн», – монотонно произнес он. – Это поезд, следующий на восток, в Риц, номер 156, через Арджентвилль, Кювретон, Рошери и Нью-Монтегю. Предъявите билеты и удостоверение личности, пожалуйста.

Она вышла из-под дырявой крыши, сжимая в руках ручки тележки. Пока носильщик складывал их багаж в поезд, дождь успел прекратиться. Когда кондуктор обратил на них внимание, она протянула ему билеты, сжимая их в мокрых пальцах.

– Проходите, мисс, – сказал кондуктор, издав долгий нетерпеливый вздох. – У нас плотный график.

– Да, конечно, я просто... я... – Келлан недоуменно уставилась на билеты, на которых все еще блестели чернила от ручки Рюбана. От влаги бумага должна была потемнеть, а логотип «Гринлайн» – почернеть. Капли дождя должны были скатываться с ее кожи, оставляя ощущение холода и дискомфорта. Дождь должен был хоть *что-то* сделать.

И он сделал. Но совсем не то, что она ожидала.

Келлан протянула руку, сложив ладонь чашечкой. Капли дождя не касались ее пальцев, билетов, кондуктора или платформы у нее под ногами. Они были слишком крупными, подобно сверкающим осколкам хрусталя, пролетая сквозь бумагу и падая вокруг нее, словно искривленные лучи света. Казалось, это не настоящий дождь, а его неудачная имитация.

Пассажиры, смотревшие в окна, ничего не заметили. Эдгар с кондуктором тоже, казалось, не обращали на это ни малейшего внимания. Тогда она повернулась к Рюбану, надеясь, что хотя бы он ощутил в воздухе что-то странное.

Но когда Келлан увидела, как он стоит за стойкой, лениво выковыривая из ушей серу той же ручкой, которой недавно подписывал ее билеты, она поняла, что все вокруг, видимо, считают происходящее совершенно нормальным.

За исключением Келлан и золотого зайца на полке.

Дождь вокруг нее как будто замедлился, и теперь с покатой крыши вокзала низвергалась водяная завеса, из-за чего очертания зайца дрожали, словно развевающийся на ветру гобелен.

Он смотрел на нее – и сквозь нее – глазами, похожими на темные жемчужины. Они были черными и в то же время переливались всеми цветами сразу.

– Ты что-то забыла, милая?

Келлан вздрогнула, ощутив тепло руки Эдгара на своем плече. По ее телу пробежала сильная дрожь. Внезапно дождь снова стал похож на обычный дождь, а мир вокруг опять заиграл серыми и красно-коричневым красками. Но заяц...

– Куда он делся? – спросила она.

– Кто делся... – начал было старик, но Келлан уже взбежала по ступенькам вагона. – Может, *подождешь* меня, милая? Все время убегаешь, словно за тобой кто-то гонится.

Она видела рекламу «Гринлайн» в журналах: люстры, сверкающие графины, полированное красное дерево, широкие окна с захватывающим видом на холмы и голубое небо. Но тот, кто делал эти фотографии, не снимал внутреннего убранства плацкартных вагонов. Тут не было ни люстр, ни графинов, половицы стерлись и потускнели, а обои пожелтели на швах. В каждом вагоне, мимо которого она проходила, пахло солеными крендельками и носками. Но, по крайней мере, здесь были окна.

Она выглядывала наружу, ожидая вновь увидеть там хрустальный дождь. Ждала, когда вокзал подернется рябью, словно шелк в порывах ураганного ветра. Выискивала взглядом золото, игру красок, черный жемчуг и взгляд, который пронизывал ее насквозь, сотрясая до глубины души, когда вдруг через пару вагонов впереди в окне мелькнула золотая вспышка.

Эдгар и кондуктор загораживали выход, поэтому Келлан бросилась вперед, петляя между празднующими пассажирами, ныряя под едва не падающий с полок багаж, перепрыгивала через вытянутые ноги и разбросанные сумки, но сверкающий заяц все время ускользал из поля ее зрения. Она вырезала его не для этого. Она создавала игрушку, иллюзию, а не живое существо, которое бежало с такой скоростью, что больше напоминало полоску света, чем кусок твердого металла.

С другой стороны, ее руны не должны были замедлять дождь. Утихомиривать ветер. Менять мир вокруг так, чтобы только она могла это видеть.

Ничего подобного Келлан не делала. Даже у ремесла есть свои пределы.

Заяц снаружи остановился на участке выжженной травы. Задыхаясь от бега, она распахнула еще одну дверь вагона, и заяц повернул свою золотистую головку. Он заглянул в окно и заметил, что она наблюдает за ним изнутри. В его жемчужных глазах плясал свет, который тучи давно поглотили. Он заметил ее, и – Келлан могла бы поклясться всем сущим! – ей показалось, будто он...

Шлен!

Келлан натолкнулась на какую-то высокую, довольно прочную преграду. Сверху на нее посыпался вихрь пожелтевших тонких листов бумаги, скрыв из вида дверь следующего вагона.

– Пожалуйста, не наступайте на... О нет, уже... – раздался у нее за спиной чей-то голос, невнятный и в данный момент ничего не значащий. Когда последний листок улегся на пол, заяц снова исчез. – Вы... – голос приблизился. – Не могли бы вы...

– Не могла бы что?

– Ваша нога.

– Что с моей ногой?

– Не могли бы вы ее передвинуть? Вы наступили на...

Келлан взобралась на скамью – по крайней мере, она надеялась, что это скамья, – чтобы взглянуть из окна. Позади нее хозяин листов ворчал, подбирая их с пола.

– Вы это видели? – спросила она.

– Что видел? Вас? – Ворчание стихло, но шуршание ладоней по пергаменту продолжалось. – Если бы я вас увидел, то побежал бы в противоположную сторону... Или хотя бы вовремя увернулся.

– Нет, не меня. Зайца.

– Или спрятался? Да, наверное, спрятался бы... Хм? Какого зайца?

– Зайца! Золотистого, быстрого, с темными глазами.

– У большинства зайцев темные глаза.

– Дело не... – раздосадованная Келлан наконец-то обернулась и увидела владельца голоса, – в этом.

Голос принадлежал юноше, который стоял на коленях и укладывал собранные листы пергамента между потрескавшимися кожаными крышками книжной обложки. Его щеки покрывала россыпь веснушек, из-за большого уха торчал карандаш. Он дрожал над своими бумагами так, словно те были крошечными птенцами, а он – мамочкой-наседкой, беспокоящейся, как бы они не сломали что-нибудь при падении.

– Тогда в чем? – с досадой спросил он, поправляя очки на переносице. Он не обращал на нее особого внимания, продолжая возиться со своим несчастным фолиантом. – Надеюсь, это важно, учитывая... ну... это.

В самом деле, а важно ли это? Странно, да, но важно... Наверное, нет? Ей хотелось бы надеяться, что нет. Она сделала игрушку, заработав им на билеты. Если ее творение вышло из-под контроля, это уже не ее забота.

Однако оставался дождь. Легкий ветерок. Шелк в порывах ураганного ветра. Возможно, ей нужно немного поспать. Слишком много ночей, проведенных за планированием этой поездки, не прошли даром. В конце концов, это был уже не первый раз, когда ее фантазии казались необыкновенно реальными.

– Ты заблудилась?

Келлан вздрогнула, удивленная тем, что он вдруг оказался так близко. Теперь, когда юноша выпрямился, стало видно, что он как минимум на полфута выше ее. Его холодные глаза расширились от... ужаса? Ага, как же. Она быстро поняла, чем был вызван этот взгляд. От нее пахло сыростью после дождя, она еще не успела отжать волосы от влаги, и грязь осыпалась с ее брюк на пол, словно сухая кожа.

– Нет, – Келлан выпрямилась, пытаясь казаться выше. Это не помогло. – Я...

– Ты ищешь зайца.

– Да.

– Посреди поезда.

– Ты смеешься надо мной?

– Я не в том положении, чтобы смеяться, если ты не заметила. Видишь ли, кто-то едва не уничтожил мою книгу...

– Чем я могу быть вам полезен?

Их беседу прервала машина – автоматон. Он неподвижно стоял у противоположной стены, настолько неприметный, что Келлан его даже не заметила. Только теперь она осознала, где находится.

Оказывается, она умудрилась пробежать через два вагона и оказалась в первом классе. Над входом здесь висела табличка с завитушками из золота: «Прохладительные напитки». Скамья, на которую она взобралась, была щедро набита пухом и больше походила на диван. Дневной свет, льющийся из окон, играл на хрустальных графинах и золотых узорах на ничуть не пожелтевших обоях. Над ними, позванивая, словно крошечные колокольчики, висела люстра.

– Чем могу быть полезен?

– Он замолчит, как только ты что-нибудь купишь. – Мальчик сунул испорченную книгу во внутренний карман пальто. – Золотого зайца тут нет, но есть блестящие пирожные.

Поезд. Выставка. Келлан едва не забыла, почему она села на этот поезд. Дело было не в золотых зайцах и не в блестящих пирожных. Келлан прикусила внутреннюю сторону щеки, бросила взгляд на грязное пятно на бархатной обивке и направилась к выходу.

– А как же твой...

– Ничего страшного, – сказала она, прежде чем закрыть за собой дверь. – Наверное, это была просто игра света.

Келлан пробралась обратно к Эдгару, который ждал ее в одном из задних вагонов. Вскоре вокзал скрылся из виду, а ржаво-красные горы Кювретона становились все меньше и бледнее, пока наконец не исчезли в тумане. Рюбан задернул сломанные жалюзи на единственной билетной кассе вокзала Кювретона. В конце концов, этот городок был царством рутины, и он знал, что ничего другого ожидать не стоит.

И все же кое-что изменилось. Шкатулка стояла на полке, словно никогда ее не покидала, – в точности такая, какой ее создала Келлан. Такая, какой ей и полагалось быть. Прежде чем поезд повернул за угол и деревня утонула в тумане, она заметила светлячка, порхавшего у единственной скамейки на станции, – слишком крупного, удивительно яркого и явно чуждого этому месту.

Глава 2

Спустя несколько часов после захода солнца их поезд внезапно поехал под уклон, а за окном желтыми и золотыми полосами замелькали туннельные огни. Келлан бросила попытки заплести волосы в косу и уставилась в окно, полная решимости запомнить каждую деталь чуда, ожидающего ее по ту сторону стекла. Они въехали в туннель, ведущий к Сугару, Нижнему Городу.

Его называли поражающим воображение чудом, вроде рассекающих облака стен в Вастийских горах на северном полюсе или храма на острове Внешнего Полумесяца, который является взгляду лишь в туманные морозные ночи. Сугар был одним из старейших городов Нанси – древним творением, обнаруженным во времена Освобождения. То, что начиналось как сеть туннелей в подземных руинах, соединяющих Риц, Иль и Юн, превратилось в нечто не менее великое – двоюродного брата трех Великих Городов страны. Его полированные стальные своды сверкали столь замысловатыми рунами, что на их изучение ушли бы столетия. Сияющие знамена колыхались в порывах искусственного ветра, а между колоннами и мигающими вывесками сновало больше людей, чем она когда-либо видела в одном месте.

Механический голос сверху объявил о прибытии в пункт назначения, и поезд остановился. Спустя миг в их вагоне началась суета.

– Ну, разве это не мило? – произнес Эдгар у нее за спиной. – Похоже, во время Выставки здесь становится еще оживленнее.

– Ты взял карту?

– Мне не нужна карта. В молодости я мог бы пройти тут с закрытыми глазами. Даже если появилось тут несколько новых магазинов, ну и что? Держу пари, что в основном все осталось как прежде.

– Верно. Я тоже так думаю.

Зайдя в лифт, Келлан втиснулась поглубже в угол. Железные решетки захлопнулись, издав громкий щелчок, и лифт со скрипом пополз вверх. Она не могла понять, от чего у нее перехватило дыхание – от резкого рывка или от предвкушения, – но размышлять об этом не было времени. Лунный свет пробивался сквозь щели в металле, собираясь лужицей у их ног, а огни города подмигивали, словно звезды, каким-то образом сбежавшие с небосвода. Это была жемчужина в короне страны. Гордость Нанси. Город Прогресса.

Риц.

Она с наслаждением вдыхала влажный воздух после духоты поезда. Цветы магнолий аметистового оттенка свисали с корзин на фонарных столбах. С тротуаров долетали звуки труб и саксофонов, а с дорог неслись гудки машин и звонки велосипедов. Некоторые из жителей Рица ходили на таких высоких каблуках, что Келлан удивлялась, как они не падают. Блестки на их платьях и костюмах соперничали с золотой и бронзовой филигранью, украшавшей почти все городские здания. Если Сугар казался ей чудом, то Риц был настоящим волшебством – сверкающим средоточием движения и жизни.

Остальные люди в лифте не стали задерживаться, чтобы полюбоваться видами. Стоило решетке открыться, как они дружно ломанулись наружу. Келлан едва удержалась на ногах. От падения ее спасли лишь стена лифта и ручка ее тележки.

– Такси, – сказала Келлан, внезапно осознав, в каком состоянии ее волосы. Она судорожно постаралась их пригладить. – Нам нужно...

– Ты задерживаешь движение, девочка!

– ...поймать такси, – тихо договорила Келлан. Эдгар уже махал ей из окна чьей-то машины.

– Позвольте помочь, позвольте помочь! – Водитель, худая девушка в потрепанной кепке и криво повязанном галстуке, жестом попросила Келлан передать ей тележку. – Минуту, не больше. Садитесь внутрь.

Эдгар одобрительно кивнул, и Келлан отдала девушке тележку, а сама устроилась на заднем сиденье. В салоне стоял сильный запах помады для волос и табака. Она потянулась к ручке в двери, чтобы опустить стекло, но обнаружила, что та сломана у самого основания. Девушка-водитель снаружи захлопнула багажник.

– Хорошо, что вы меня вовремя поймали, – бросила она, садясь на место и поворачивая ключ в замке зажигания. Мотор не завелся. – А то могли бы попасть на одно из этих автоматических такси. Между нами говоря, они сами порой не знают, куда едут. Ладно, куда путь держите?

– Сейчас, кажется, это место называют Разломом, – ответил Эдгар. – Если я не ошибаюсь, оно находится к западу отсюда.

– Разлом? Вы уверены?

– Абсолютно, – ответила Келлан. – А что?

– Да ничего! Просто интересно, вот и все.

– Ладно, – Келлан еще раз взглянула на ночное небо, надеясь снова увидеть цветные всполохи. – Просто интересно.

Они пересекли три района, прежде чем добраться до Разлома. Келлан считала каждые ворота. Первыми были платиновые. Потом они проехали через бронзовые. Потом перед ее взором появились латунные.

– Судтон – единственный проход, который остается открыт после заката, – объяснила девушка-водитель, лихо ныряя в переулки, словно привыкла здесь ездить. – Но нам это не особо помешает. Нельзя сказать, что туда ломится много народу.

Блеск и музыка Коронного района Рица давно растворились в темноте, сменившись тихим гомоном, сотканным из смеха и разговоров сидящих на крылечках людей. Здешний воздух, теплый и напоенный ароматом ирисов, заставил Келлан почти позабыть о беспокойстве, из-за которого по ее спине ползли мурашки.

Чем оно было вызвано? Внезапной прохладой? Или тишиной, наступавшей, словно чума, по мере того, как они приближались к воротам Разлома? Какая-то ее часть отчаянно хотела куда-нибудь спрятаться. Когда такси встало в пробке, ее тревога слегка притихла, но никуда не делась. Тут внимание Келлан привлекло новое зрелище, приковав ее к потертому кожаному сиденью.

– Что там происходит? – спросил Эдгар.

– Я не уверена, – ответила девушка-водитель. – Похоже, у ворот затор. Дайте-ка я...

Дом имен Кювретона был высоким, как и большинство подобных заведений, – башня, возведенная из «трупного камня» вскоре после того, как Лидонч впервые завоевал земли, на которых в те далекие времена располагалось государство Нанси. Кювретон был маленькой деревушкой, и Дю в ней жило немного, поэтому строить здание выше пяти-шести этажей необходимости не было. После Освобождения, когда измученный войной остров с трудом собирал страну из руин, пока остальной мир не растащил ее на клочки, первые придворные увидели, как все столпы власти Лидонча обратились в прах. Все, кроме его соборов, которые затем стали тюрьмами для предателей Нанси, а еще позже – домами имен для их детей. Ей рассказывали, что кювретонский дом имен – не самое плохое место на свете, в отличие от его уродливых подбий в больших деревнях и малых городах. Что ей следует быть благодарной за его скромные размеры. Мол, могло быть и хуже.

Келлан не обращала внимания на стену Разлома. Она не видела его ворот, домов, лавок и фонарей. Она не сводила глаз с его дома имен.

Казалось, огромная башня пронзает ночное небо. Она могла бы запросто поглотить свою кювретонскую родственницу. Причем сделать это дважды. Она допускала, что в Рице, учитывая его размеры, может жить много Дю и здешний дом имен должен отличаться внушительными размерами, чтобы вместить их всех. Но от вида приюта, настолько непохожего на ее собственный, у Келлан сперло дыхание. Его зазубренная тень накрыла черным покрывалом половину района по ту сторону стены, зловеще напоминая, что для Дю нет судьбы хуже этой. Лишь еще больше детей ждет та же участь.

– Я поняла, в чем дело. Похоже, это затмение.

– Басси ничего мне об этом не говорил, – произнес Эдгар, нервно теребя поля шляпы.

– Они досаждают нам уже несколько месяцев. В других районах иногда бывают перебои, но когда это происходит в Разломе, тут все вырубается по-настоящему. Иногда ничего не работает целыми днями.

На мгновение все замерло. Свет по ту сторону стены Разлома превратился в желтую дымку на фоне темной синевы небес, едва заметную на горизонте. Когда он погас, вокруг резко похолодало. Он унес из воздуха успокаивающий шепот рунической вязи, окрасив небосвод в траурный черный цвет.

И тогда тьма пришла в движение.

Девушка-водитель безуспешно пыталась свернуть куда-нибудь в сторону. Ее голос дрожал от почти не скрываемой паники.

– Я слышала, иногда она выходит за стену, но сама ни разу не видела.

– Что происходит, когда она выходит? – спросила Келлан. Ее голос был еле слышен в наступившей тишине.

– Не знаю. И знать не хочу.

Светильники на ступеньках. Уличные фонари. Фары машин. Сначала они замигали, а затем погасли, будто свечи в струях дождя. Это было непохоже на обычное затмение, больше напоминая надвигающуюся бурю. Прилив тьмы, готовый поглотить их целиком.

Беги, малышка!

Тьма подбиралась ближе. Ближе. Еще ближе. Келлан вжалась в заднее сиденье, свернулась клубком и вытянула руку, пытаясь защититься...

Внезапно раздался чей-то крик, и ее кровь заледенела от ужаса. Он вспорол черное покрывало ночи. Заставил ее застыть, словно камень. Заставил забыть о холоде, башне и тьме. У нее в голове не осталось иных мыслей, кроме одной – защитить. Спасти. Исправить.

Кричал Эдгар, вцепившись в свое правое запястье.

– Все в порядке, Эд, – бросилась успокаивать его Келлан. Это была ложь, но ничего другого ей не оставалось. Лишь однажды она видела его в таком состоянии – когда его рука разлетелась на части. – Все хорошо. Все будет хорошо. *Намнуженврач, нуженврачнемедленно...*

– Я уже над этим работаю! – крикнула девушка-водитель, перекрывая шипение шин по граниту. Машины окружили их со всех сторон, издавая гудки, полные паники и страха. – Будет впритык, но...

– Не надо в больницу, – процедил Эдгар сквозь стиснутые зубы, прижимая запястье к груди. – Со мной все будет в порядке. Просто немного больно.

– Эдгар! Нет, мисс, не слушайте его, просто...

– В Мидтоне есть небольшая гостиница. Называется «Дворец». Отвезите нас... – Он застонал, и у Келлан сердце ушло в пятки. – Отвезите нас туда.

Девушка-водитель виртуозно провела машину по узкой полосе между рядом машин и стеной переулка, оставив алчущую тьму позади.

Через несколько кварталов Эдгар перестал стонать. Лишь когда они выехали в другой район, капли пота на его лбу высохли, напоминая о себе лишь легким блеском. К тому времени, как они добрались до Мидтона, его дыхание полностью выровнялось. Келлан отсчитывала

вала в тишине каждый его вдох, невольно подстраиваясь под его дыхание, чтобы заглушить слабеющие уколы паники. Вдох и выдох. Вдох и выдох.

– Упрямый как баран. Напоминает моего отца. Твой дедушка?

– Нет. Он мой начальник.

– А, – девушка-водитель мельком взглянула на вход в «Дворец» и пожала плечами. – Ну ладно.

Келлан потянулась, чтобы ослабить ноющую дрожь в руках, и подняла трясущиеся ладони к беззвездному небу. Она едва сдерживалась, чтобы не броситься на штурм крошечного отеля и... что делать дальше, она не знала. Для начала, наверное, стоит вымыть комнату. Вырезать несколько рун на его протезе – на тот случай, если недавний приступ был просто неудачным совпадением. Приготовить костюм на завтра и лекарства на вечер, принести дополнительные подушки и справиться, все ли с ним в порядке.

– Подыши немного воздухом, – сказал ей Эдгар, устроившись в своем номере. Он полез в карман за бумажником. Келлан попыталась сделать вид, что не заметила, как он поморщился от боли. – Посмотри город. Здесь есть на что полюбоваться, если знать, куда смотреть.

– Я останусь. Тут пыли хватит, чтобы шить пальто. Если я начну сейчас...

– Нет, нет и нет. У тебя и так выдался тяжелый день. К тому же мы тут ненадолго, и ты не успеешь как следует насладиться местными красотами. Давай, иди. Нет ничего плохого в том, чтобы немного прогуляться.

– Но...

– Никаких но. Я не плачу тебе за но.

– За прогулки по городу ты мне тоже не платишь.

– С ним все будет хорошо, – сказала девушка-водитель, ожидавшая Келлан на улице, и улыбнулась. Улыбка у нее была лучезарной и обнадеживающей. Приступ Эдгара, похоже, первый в ее карьере, серьезно выбил ее из колеи, и она решила лично убедиться, что они добрались до отеля без проблем. Она прислонилась к ближайшему фонарному столбу, тренируясь в подбрасывании монетки. Шестеренка с лязгом упала на землю. – Уроженцев Рица так просто не сломать, знаешь ли. Иначе в этом городе не выжить.

Крепкие или нет, но приступ Эдгара сильно обеспокоил Келлан. Ломота в костях в дождливую погоду – это она понимала. Но какая взаимосвязь между столь сильной болью и странной ненасытной тьмой?

Она с нетерпением ждала завтрашнего дня. Еще одна ночь – и она получит все необходимое, чтобы сделать Эдгару новый протез. Риц, его искусство рун и дом имен превратятся в точку на горизонте, а Келлан и Эдгар отправятся домой, подальше от той бури, что зреет за стеной Разлома.

– Как тебя зовут? – Девушка-водитель подняла монету и, ничуть не смутившись, снова подбросила ее в воздух. – Меня звать Руссель. Луиза Руссель. Большинство наших из Судтона, с юга города. Но все зовут меня Лу.

– Я Келлан.

– Келлан... Ты с Внешнего Полумесяца? Звучит так, будто с Внешнего Полумесяца, но, я слышала, там смешалась куча разных культур, так что, возможно, и нет. А какое твое первое имя?

– Келлан – это и есть мое первое имя.

– Тогда какое у тебя... твое... А, – Лу сняла кепку. Беспорядочные пушистые каштановые кудри рассыпались по плечам, и она провела по ним пятерней, еще больше их взъерошив. – Извини.

Келлан выдавила из себя фальшивую улыбку. Точнее, лишь отголосок улыбки, ее не очень вежливую тень. Она готовилась к таким вопросам, понимая, что кто-нибудь обязательно их ей задаст, прежде чем выходные закончатся.

Кто это был? Кузен? Родитель? Свекр?

Убийство или похищение? Хищение средств? Шпионаж?

Ты достаточно взрослая, чтобы помнить? Что делают с детьми, которые помнят?

Кровь у детей предателей красная или серая?

Она понятия не имела, как отвечать на эти вопросы. Дело было не только в том, что большинство из них были нелепы. У нее просто не было ответов. Кто бы из ее родственников ни предал Нанси, это произошло очень давно, и она этого просто не помнила. К несчастью для нее, никого не волновало, что ее единственное преступление против страны – то, что она появилась на свет.

– Знаешь, я не то чтобы хвастаюсь, – произнесла Лу, явно хвастаясь, – но у меня есть хороший знакомый. Он лучший повар по эту сторону моста. Могу договориться о скидке, если ты проголодалась! Твой дед... то есть начальник, хотел бы, чтобы ты поела. Горячее пойдет тебе на пользу.

Лу стояла у столба, теребя в руках свою кепку, по атласной подкладке которой перекатывалась одинокая монетка. Искренняя улыбка. Ни жалости, ни страха. «Она добрая», – поняла Келлан. Немного странная и чересчур настойчивая, но в разумных пределах.

После того, что Келлан увидела у ворот Разлома, она понимала, что ей точно нужно торопиться.

Глава 3

На этот раз Келлан села не на заднее, а на переднее сиденье, и все десять минут, что они ехали от отеля до Коронного района, они с Лу вели оживленную беседу. Келлан узнала, к примеру, что Лу всего второй день работает водителем, на машину она копила три сезона, а ее мать решительно не одобряет выбор дочери.

– Она хочет видеть меня в роли официантки, разносящей по столам блюда, – объяснила Лу, пока они заворачивали за угол. – Говорит, что езда на машине – слишком опасное занятие, особенно в центре города. Но это приносит больше денег. Да и люди тут приятнее. В основном туристы вроде тебя. За целый день пьяных среди них наберется от силы несколько человек.

Она высадила Келлан у Коронного Зала, где должна была проходить Выставка. Снаружи над городом возвышалась эмблема Нанси – корона и шестеренка: корона с двенадцатью зубцами, по одной на каждый из Домов страны; шестеренка с тремя зубьями, по одному на каждый из главных городов. Вдоль дороги стояли иностранные автомобили, на ветру развевались флаги таких дальних краев, как Острова Полумесяца, и тех, что поближе, вроде Западного Италя. Внутри по мраморным залам в суматохе бегали организаторы Выставки. Они таскали вверх по лестницам столы и плакаты, исчезая за углами коридоров. За стеклянными дверьми мельтешили люди со всех концов Суоллоу. Их было очень много. Больше, чем она рассчитывала, месяцами планируя эту поездку. Ей еще ни разу не доводилось избегать столь больших толп народа.

Тем не менее она двинулась дальше. За стойкой на входе сидела, подперев рукой подбородок, молодая секретарша с собранными в высокий пучок волосами и барабанила кончиками пальцев в кружевных перчатках по щеке. Судя по ее виду, она смертельно скучала посреди всей этой суеты.

Келлан откашлялась. Секретарша вздрогнула и поправила воротник своей блузки.

– Простите, замечталась, – объяснила она. На ее бейдже простым черным шрифтом было написано «Жиннель». – Вы, кажется, новенькая. Вы сюда по работе? Я могу указать, где комната отдыха, если хотите, там вы сможете отметиться.

– Я бы хотела немного осмотреться. Я пришла на Выставку и хотела бы пройтись по первым нескольким этажам.

– Конечно. У вас есть значок?

– А он мне нужен?

– К сожалению, да. Сегодня подниматься разрешено только Мастерам и их ученикам.

Значка у Келлан не было. А даже если бы и был, пустой медный кружок сразу бы выдал ее низкое происхождение.

– А как насчет...

– Помощников? – Жиннель мягко улыбнулась, услышав легкое отчаяние в голосе Келлан. – Боюсь, туда не пускают никого, кроме мастеров и их подчиненных. Но вы можете вернуться завтра, когда мероприятие начнется.

Завтра? Ей обязательно нужно увидеть все сегодня. Чтобы хорошенько изучить прототип Месни и воссоздать потом нечто похожее, хотя бы в малой степени столь же эффективное, ей нужно время. Которого завтра, когда Выставка заработает и в залах будет полно любопытных глаз, у нее не будет. Которого у Эдгара оставалось все меньше и меньше.

– Мне жаль, – добавила Жиннель. Судя по всему, она действительно сожалела.

«Все будет хорошо», – подумала Келлан. Она найдет обходной путь. Ей просто нужен другой план. Запасной вход, незапертое окно. Она может даже рискнуть и подняться по пожарной лестнице, если она тут есть...

– Плечи, красotka, береги плечи!

– Дайте пройти, дайте пройти!

Сначала ее толкнул один рабочий, а затем другой. Они пронесли стол через холл и свернули за угол, куда Келлан доступ был запрещен. Она потеряла плечо и отошла подальше от стойки, пропуская рабочих. Глядя на них, она вдруг все поняла.

Нет. Не поняла. Придумала новый план.

Келлан осторожно взглянула на Жиннель и замерла, увидев ее понимающий взгляд. Но та не стала ее выдавать. Вместо этого Жиннель, не отрывая от губ кофейной чашки, перевела взгляд с рабочих на Келлан один раз, затем другой. После чего нарочито театральным жестом поставила чашку на стойку, выпрямила спину, положила пальцы на клавиши пишущей машинки и отвернулась.

К Келлан, шаркая ногами, приблизилась одинокая женщина в рабочей спецовке. Она тащила плакат в золотой раме, на котором был изображен инженер, чье имя стерлось из ее памяти.

– Давайте я возьму, – сказала Келлан, изобразив на лице, как ей хотелось надеяться, беззаботную улыбку. – У вас такой усталый вид! Вы точно заслужили чашечку горячего кофе.

Уставшую женщину не пришлось долго уговаривать.

– Пятый этаж, в конце коридора, – уточнила она, пока Келлан пыталась справиться с тяжелой рамой. На висках у нее выступил пот, когда она добралась до лифта, но он оказался пуст, и она устало привалилась спиной к задней стенке, чтобы перевести дух. Вскоре она нашла в себе силы нажать кнопку. «Все о сплавах», зал 502. «Планирование расходов маленькой мастерской», зал 514.

Келлан прижала плакат к груди, и лифт со скрипом пополз вверх. Она обведет рабочих вокруг пальца. Если не привлекать внимания и не вдаваться в долгие объяснения, ей хватит пяти минут, чтобы потеряться из виду. Может быть, десяти.

Но тут лифт остановился. Двери открылись. Три фигуры, стоявшие в дальнем конце коридора, определенно не принадлежали к числу рабочих.

– Этот город – настоящий цирк! – Первым в лифт вошел пожилой мужчина в темном бархатном костюме, за которым следовали парень и девушка одного с Келлан возраста. – Было бы лучше, если бы вы остались в Иле.

– А мне тут очень нравится, честно, – сказала девушка. Ее волосы, уложенные в прическу в стиле боб, ниспадали на плечи черными шелковистыми волнами. – Этот город поет, понимаешь? Блеск, гламур, музыка... Держу пари, Эло тоже бы понравилось, если бы он так не куксился.

– Черт, ты можешь замолчать? – огрызнулся Эло, вылитая копия девушки, и потер переносицу. Его длинные волосы, отливающие таким же иссиня-черным цветом, ниспадали до самых лопаток. Таких прямых и блестящих волос – безо всяких манипуляций с щипцами и мазями – Келлан никогда не видела в Кювретоне. – Ты похожа на ши-тцу³. Найди окно и гавкай на людей внизу.

Возможно, эти двое были братом и сестрой. Едва с губ Эло слетели последние слова, как они начали пререкаться на неизвестном Келлан языке. Они бы продолжали ругаться до бесконечности, если бы мужчина в бархатном костюме не стукнул наконечником трости по полу лифта. Грохот металла резко ударил по ушам Келлан, заставив ее поморщиться. Брат с сестрой тут же смолкли, понуро свесив головы и выпрямившись.

Бархатный Мужчина нажал кнопку третьего этажа, обозначенного как «Нечто из ничего: советы по управлению мастерской с минимальными расходами», бальный зал третьего этажа – панель Месни, – и двери снова закрылись. Пятиугольный золотой значок, поблескивавший на

³ Ши-тцу – древняя тибетская порода маленьких собак-компаньонов, также известная как «собака-лев» из-за своей густой шерсти на морде.

лацкане его пиджака, гласил, что он инженер. Теоретик, судя по двум сверкающим аметистам. Его центральный зубец был пуст. Это означало, что он был экспертом, а не Мастером.

Келлан редко видела значок теоретика на фотографиях и никогда – вживую. Из всех школ ремесла внутри Гильдии Инженеров – возможно даже, во всех отраслях науки – теоретики были самыми ревнивыми хранителями своих трудов. Раньше она думала, что это связано с тем, насколько важна эта школа для развития ремесла. Ведь ее мастера открыли законы и взаимосвязи, лежащие в основе ремесла. Без них его просто бы не существовало. Но теперь, увидев, как этот мужчина обращается со своими подопечными, она в этом засомневалась.

Выходит, эти двое – его ученики. Но когда она поискала взглядом на лацканах их костюмов гербы без драгоценных камней, то увидела лишь два простых золотых пятиугольника. Значки помощников инженера.

– Разве мать не учила тебя, что неприлично пялиться на посторонних?

Келлан оцепенела. Бархатный Мужчина уставился на нее свысока, склонив голову вниз, отчего стала видна горбинка на его носу. Она увидела, что его глаза затянуты млечной пленкой катаракты.

Ей нельзя ничего говорить. Она знала, как устроен этот мир. Все, от осанки до покроя костюмов Бархатного Мужчины и его помощников, говорило ей, что они – очень состоятельные люди, а при достаточном количестве денег правила становятся лишь вежливыми рекомендациями.

– Ты умеешь говорить, дитя? – сказал он, на этот раз настойчивее.

– Да.

– Тогда извинись.

– Я бы извинилась, если бы сделала что-то не так.

Двери лифта открылись, и пожилой мужчина замер. Его голова медленно повернулась, словно на шарнире, пока его серые, будто сталь, глаза не встретились с ее взглядом. На мгновение в них вспыхнуло возмущение. Но спустя миг гнев в его глазах погас. Он вновь смотрел на нее так, словно Келлан значила для него не больше, чем пятно на его кожаной туфле.

– Помните, дети, – сказал он близнецам, не сводя с нее взгляда. – Нужно смотреть под ноги, иначе можно наступить во что-то грязное.

Затем они вышли. Парень стряхнул пылинку с плеча. Девушка пожала плечами, словно извиняясь, и поспешила за своими спутниками. Дверь закрылась, и Келлан вновь осталась одна.

Келлан отступила, чтобы внимательнее рассмотреть плакат, который только что поставила там, где ей было велено. У нее все тело ныло от напряжения, поскольку тащить его по бесконечным коридорам пятого этажа оказалось не так-то легко. Наконец-то она могла прочесть, что на нем было написано. Хм, судя по всему, Оливье Одиль, создатель усиленной рунами кофеварки, выпускал книгу.

Закончив с плакатом, Келлан прошла по коридору, изо всех сил старалась выглядеть занятой. Она всматривалась в каждую табличку и номер комнаты, пытаясь отыскать хоть какой-то указатель на экспозицию Месни. Лучше было бы подождать, пока толпа поредеет, чтобы приступить к делу. Но она и так уже потратила слишком много времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.